природы, и мира, и своей страны. Его прямое назначение - воспринимать жизнь в возможно широком и всестороннем плане.

«Новую жизнь» этот проект обрел в российском публичном пространстве в 2002 году. Влиятельный политик мэр Москвы Ю. Лужков направил Президенту России Путину «Проблемную записку по вопросу взаимовыгодного использования избыточных и паводковых вод сибирских рек для вовлечения в хозяйственный оборот пригодных для орошения земель России (на юге Западной Сибири) и Средней Азии». Главным аргументом «за» реанимацию проекта теперь стал экономический расчет будущей прибыли от продажи чистой пресной воды Средней Азии. Практика показала, что стратегические и тактические проекты должны изначально учитывать не только экономическую выгоду, но и сохранение природных ресурсов, социальную пользу и экологическую безопасность государства.

1. Астафьев В. Вызывает тревогу // Советская Россия. 3 января 1986 года.
2. Залыгин С.П. Поворот.- М.: Изд-во Мысль.- 1987.
3. Карпенко И.И., Меринов В.Ю. Экологическая проблематика публицистики С.П. Залыгина.- Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки.2013.№20 (163). Вып.19.- С.46-47.
4. Кисилев А.И. Экологические детерминанты формирования новой парадигмы бытия. – Экономика, экология и общество России в 21-м столетии. Ч.1. – С-П.: Изд. Политехнического университета.- 2008.- С.108.
5. Немцев М. К истории проекта «переброски северных рек». - <https://antropiya.com/articles/18/50/>
6. Распутин В.Г. У нас остается Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы.- М.: Институт русской цивилизации, 2015.

Пчела И.В.

Досуг учителей сельских школ юга Дальнего Востока в конце XIX – начала XX века

*Дальневосточный федеральный университет, Филиал в г. Уссурийске
(Россия, Уссурийск)*

doi:10.18411/spc-01-02-2019-08

idsp: sciencepublic-01-02-2019-08

Аннотация

Статья посвящена повседневной жизни сельских учителей Дальнего Востока в 1890-1917 гг. в свободное от работы время. Автор раскрыл многообразие увлечений и хобби, пришел к выводу, что досуг зависел не только от интересов и личных пристрастий народных учителей, но и от уровня достатка, а также культурной среды далекой провинции.

Ключевые слова: провинция, досуг, хобби, отдых, развлечение

Abstract

The article is devoted to the daily life of rural teachers of the Far East in 1890-1917 in their free time. The author revealed the variety of hobbies and interests, came to the conclusion that leisure depended not only on the interests and personal preferences of folk teachers, but also on the level of wealth and cultural environment of the distant province.

Key words: province, leisure, hobby, rest, amusement

В последние годы внимание исследователей сосредоточено на изучении повседневной жизни разных групп населения, в том числе учителей. В работах Н.А. Беловой [1], М. Егоровой [2], Ю. Железняковой [3], И.В. Зубкова [4], Е.А. Ялозиной [5] и др. описаны жизнь и быт педагогов, работавших в школах европейской части России

и Сибири. Они показали какой насыщенной и разнообразной была повседневная жизнь и деятельность педагогов.

Публикации Г.А. Андриец [6], В.А. Зверева [7], А.С. Курасова [8], Т.З. Позняк [9] и др. посвящены дальневосточным учителям. Авторы акцентировали внимание на жизни и деятельности городских учителей, работавших в гимназиях и прогимназиях, коммерческих и реальных училищах. К началу XX в. даже в провинциальных городах открылись «Народные дома», библиотеки, театры, стадионы и спортивные площадки. Д.Я. Бондарев вспоминал: «Уездный город Никольск-Уссурийский, где я прослужил три года, как и все сибирские города, только начинает жить. Разные увеселительные места, театр, клубы, сады, иллюзионы, большое количество военных, магазины, склады и прочее делают этот город оживленным» [10, с. 296]. Жители провинциального города могли выбрать для себя времяпрепровождение, которое более всего соответствовало их наклонностям. Жители сельской глубинки, как правило, были лишены такой роскоши.

Образовательный ценз преподавателей средних учебных заведений, функционировавших в городах, был выше, значит и жалование было значительно больше, чем у народных учителей начальных школ сел и деревень (школ грамоты и церковноприходских школ, одноклассных министерских училищ). Это означало, что даже если бы в провинциальном городе преподаватель не смог найти место для отдыха и развлечений, то у него было больше средств для путешествий, для покупки книг, иных товаров, для оплаты услуг. Об этом неоднократно писали историки, изучавшие провинциальную жизнь. Вместе с тем, практически не освещены досуг и отдых сельских учителей и учительниц.

Для написания данной статьи были проанализированы материалы из фондов Российского государственного архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), воспоминания современников, периодическая печать, чтобы выяснить, как проводили свободное от работы время народные учителя в сельской глубинке Южно-Уссурийского края в 1890-1917 гг.

Современники, посетившие Сибирь и Дальний Восток в те годы, писали о некультурности, провинциальности, заброшенности и «дикости далекой окраины». Уссурийский край они описывали как «край лесов», где изредка, островками («отдельными оазисами») встречались села и деревни. Безрадостные чувства охватывали любого человека в период пребывания в этой глухой провинции: «Заброшенный в тайгу, среди сопок и непролазных болот живет и работает народный учитель. Ни библиотек, ни просветительных учреждений, ни сочувствия, ни поддержки со стороны» [10, с. 306].

Изучение документов показало, что педагогическая деятельность столетие назад была столь же тяжелой, что и сегодня. Судите сами: утро в деревне начиналось рано, обычно подъем и домашние хлопоты начинались в 5-6 часов утра. Помолившись, учитель торопился в класс. С молитвы начинались занятия, их по-очереди читали ученики старшего отделения. Уроки проводились в тесных, переполненных классных комнатах с 8 до 15 часов. После уроков у педагога много забот: проследить за уборкой школьного помещения, топкой печей; требовалось проверить тетради, встретиться с родителями, продумать план работы на следующий день. Вечером нужно было успеть в церковь (на службу, на спевку церковного хора, не только взрослого, но и детского).

В таком режиме сельский учитель работал весь учебный год, т.е. 8-9 месяцев (с сентября по май), с одним коротким перерывом на Рождество («зимняя вакация»). Такой интенсивный труд приводил к накоплению усталости. «Я, как трудящийся человек, нуждаюсь в законном отдыхе, - говорил в кулуарах I съезда учителей Владивостокской епархии (1907 г.) один из делегатов, - труд учителя, а я отношусь к делу добросовестно, поглощает у меня едва ли не целиком с утра до вечера все шесть дней в неделю, и так изнуряет меня, что право же и не грешно использовать внеучебный день и изредка, раз в неделю поспать часок-другой подольше. Нельзя же

возлагать на человека сверх должностных обязанностей. Я учитель. Я работаю в определенной, специальной области труда. Это последний остаток досуга, я вправе им распорядиться по собственному усмотрению» [11, с. 425-426]. Значит, в течение долгого учебного года сельский учитель сильно истощает свои силы, утомляется, подрывает свое здоровье.

Один выходной день в неделю (воскресенье) был наполнен заботами о домочадцах. Времени катастрофически не хватало, поэтому даже в выходной день учителя зачастую тратили время на проверку тетрадей и подготовку к урокам. Да и куда пойдешь вечером или в выходной день, только в церковь или в гости. В этом случае, сельские педагоги находились в более выгодном положении, чем их деревенские коллеги. Они могли заходить в гости к приходскому священнику, где, подобно учителю Нилу Ниловичу Турбину из рассказа И.А. Бунина «проводить время за преферансом, играя на орехи. Иногда музицировать с женой священника на двух гитарах» [12, с. 218].

В богатых и многолюдных селах Черниговка, Михайловка, Покровка, Осиновка, Спасское, с. Шкотово и др., где в начале XX в. были открыты не только школы, но и почтово-телеграфные конторы, лечебницы и фельдшерские пункты, библиотеки и т.п. народные учителя входили в небольшой круг «сельской интеллигенции». Их связывали тесные, нередко дружеские отношения с врачами и фельдшерами, агрономами и техниками, служащими почтового или лесного ведомств. Они, нередко, выступали в качестве восприемников (свидетелей) на свадьбах, крестными при крещении младенцев. Свободное время и праздничные вечера они проводили вместе, заходили друг к другу в гости, где общались, отдыхали, музицировали, пели песни, развлекались. Ученики министерского училища с. Берестовцы вспоминали свою первую учительницу Лидию Петровну Мордовскую: «У нее был прекрасный голос. Когда к ней приезжала в гости подруга – учительница Мария Васильевна Василенко, они душевно пели «О, позабудь былые увлечения» [13, с. 2]. Если «в обществе незнакомых людей учитель будет робок и всегда чего-то боится, то в своем кругу он спокоен и даже развязан, он смотрит на все легче и даже поверхностнее, легкомысленнее» [14, с.6]. Картину такого досуга легко представить: люди как люди, шутят, смеются, ухаживают друг за другом, судачат о товарах и продуктах, о ценах, о начальстве, об экзаменах и о прочих «школьных проблемах». Они судачат об отсутствующих коллегах, сплетничают, обмениваются новостями. Все обыденно, просто. В такие минуты завязывается дружба или возникает неприязнь.

Далеко не всегда развлечения и отдых сельских педагогов имел позитивный характер. Местные жители жаловались на педагогов, которые устраивали шумные вечеринки, азартные игры и выпивку. Например, в карты играли не только дома, но и устраивали своеобразные «сельские клубы». Современники упоминали, что за азартными играми проводили целые ночи (с вечера до утра), а на школьные занятия являлись прямо от карточного стола. Так, жители села Черниговка неоднократно жаловались: «вся сельская интеллигенция заражена «винтом», а еще хуже того «стуколкой». В некоем доме собираются винтеры и проводят на зеленом поле много часов, чтобы поиграть в винт... Те из интеллигентов, как например, бывший доктор П. (ныне Владивостокский городской врач) не понравился нашей местной интеллигенции, т.к. не умел подвязаться на зеленом поле. Зато тот, кто играет в винт, тот во всем симпатичен местной публике и пользуется общей симпатией» [15, с. 5]. Заядлых картежников азартные игры доводили до совершения служебных преступлений. Чтобы иметь деньги для игры, совершались подлоги, вымогались взятки, случалось, что учителя пропускали занятия в школе по несколько дней.

Д.Я. Бондарев вспоминал: «несмотря на все благоприятные условия, учителя много не делают: обыкновенное времяпровождение учителя – гости, карты и клубы. По целым неделям и месяцам пьянствовали, охотились и резались в карты. Верст 50, 100 и

больше из школы в школу переезжали целой копанией и весело проводили время» [10, с. 312]. Поведение педагогов вне учебных занятий протекало на виду у местной общественности, оно вызывало как одобрение, так и порицание сельского общества. Крестьяне не просто возмущались, но и писали жалобы школьному начальству. Если это не помогало, то обращались к средствам массовой информации. Так, газета «Владивосток» (1899) поместила заметку о школе с. Шкотово, в которой, по словам местных жителей, «еще в начале 1895 г. учитель в компании всех местных грамотеев (два писаря, псаломщик, да учителя) учинили гульбу, да скандал. Загул продолжался более месяца. Только в марте занятия возобновились, да и то потому что прежний учитель был смнен и назначена учительница. Это давало надежду, что дело школы, наконец-то поправится. В 1895-1896 гг. жалоб на состояние школы не слышалось, но осенью 1896 г. учительница приготовилась к отъезду, а вместо ея водворился снова прежний стрелок и гуляка... Уже в январе 1897 г. вновь получено известие, что Шкотовская школа бездействует и неизвестно чем занят учитель. Через некоторое время извещается, что школа остается закрытой и учитель неизвестно куда скрылся» [16, с. 7]. Причиной «многодневных загулов» становились не только азартные игры, пьянство и развлечения.

Народные учителя конца XIX – начала XX в., конечно имели свои интересы, увлечения и пристрастия, в числе которых были охота и рыбалка. Если до приезда на Дальний Восток, молодой специалист ни разу не брал в руки ружья или удочки, то проживание в отдаленной деревне, заброшенной в дебрях Уссурийской тайги, добраться до которой можно только по воде (реке или морю), приводило к тому, что человек становился страстным охотником или рыболовом. Один учитель так описывал свое назначение на учительское место: «Нас выписали тогда из России несколько человек. Иду к Инспектору народных училищ. Куда же хотите поступить? Владивосток в это время был малонаселенным городом. Смотрите, (подводит меня к карте): вот фазаны, вот утиные, вот гусиные места. Инспектор был страстным охотником. «Ведь вы охотник?» - «Нет!» - «Ну-да, будете охотником». Места учительские давались по склонностям к охоте: к какой птице большую склонность имел учитель, в том птичьем районе получал назначение. Как приезжает по ревизии Инспектор... ему сейчас самоварчик, водочки и распевает. На другой день едем на охоту. День, два, неделю охотимся...» [10, с. 303]. Зачастую единственным развлечением деревенского учителя оставались «карты, водка и охота» [10, с. 306].

Пустое времяпрепровождение вызывало озабоченность школьной администрации, как светской, так и религиозной. Епархиальный наблюдатель написал в своем «Отчете по итогам поездки по епархии» (1907): «Наша сельская полуинтеллигенция, обыкновенно соединяющая в себе отрицательные качества и интеллигенции, и простонародья, год от года тупеет» [17, с. 338]. Начальство «реагировало на жалобы», старалось держать педагогов под бдительным контролем, угрозами и наставлениями исправлять «отмеченные пороки». К разъяснительной работе привлекли медицинских работников. На съезде учителей Приамурского края (1899), на краткосрочных педагогических курсах для учителей церковноприходских школ Владивостокской епархии (1902) и на курсах повышения квалификации учителей Приамурского генерал-губернаторства (1913) доктора и фельдшеры читали лекции. Они призывали педагогов вести здоровый образ жизни, выбирать культурные формы отдыха и досуга.

Летом 1888 г. доктор Веренеус прочитал лекцию, в которой сформулировал: «весьма немногие правила, соблюдение которых позволит держать тело здоровым, подымет дух и появится душевный покой. Полезно заниматься спортом, если нет возможности купаться, то хотя бы проводить обтирание холодной водой. Умственная деятельность должна быть разнообразна и приятна. Математику полезно изучать историю, литературу, историку – естественные науки и т.п. Но это уже дело природных

наклонностей человека, строгих правил тут нет. Можно смело сказать одно: исполнение этих не многих предписаний принесет несомненную пользу, а, главное, даст труженику нервов доступ к разумному отдыху, который при настоящих условиях жизни составляет достояние очень немногих из них» [14, с. 6].

Тем не менее, даже в «диких» условиях сельской глубинки, при отсутствии культурных учреждений, мизерном жаловании и тяжелых условиях работы, встречались примеры, когда народные учителя и учительницы проводили свободное время не только с пользой для себя, но и для местного общества. По мнению корреспондента газеты «Владивосток» (1902), «зачастую, где-то в «медвежьих углах», можно встретить заброшенных судьбой людей, которым чужды городские страсти, и которые, наоборот, будучи гораздо меньше обеспечены, прилагают к делу, возложенному на них, больше старания, силы, всю свою энергию и знания. Мы говорим о сельских учителях и учительницах» [18, с. 1]. Они стремились полноценно и культурно отдохнуть, с пользой для себя и для общества.

Длился учительский отпуск чуть больше двух месяцев. Поскольку «полноценно отдохнуть в течение учебного года не получалось, то большинство народных учителей рассчитывало отдохнуть летом, в отпуске. Лишь во время каникул учитель набирается новых сил, если бы не было отпуска, то мало нашлось бы желающих служить учителем, да и не могли бы подолгу работать» [18, с. 1]. Получив от начальства разрешение на отпуск и на отъезд с места службы, большинство педагогов уезжало к родственникам и знакомым. Известны примеры, когда преподаватели, главным образом, городских или сельских двухклассных школ, совершали дальние поездки (в европейскую часть России или за границу).

Этот факт сам по себе примечательный, он свидетельствует о достаточном материальном обеспечении учителей средних школ. Они вполне могли позволить себе такой вояж. В таких поездках учителя не только отдыхали, но и набирались опыта, расширяли кругозор. Своими впечатлениями они охотно делились со своими коллегами, учениками. Известны примеры публикаций своих «Путевых дневников» и «Очерков» в педагогических газетах и журналах. В этой связи можно упомянуть В. Мариковского «Письма с Дальнего Востока» [19] и Д.Я. Бондарева «Далекая окраина. (Мои воспоминания)» [10].

Однако, подавляющее большинство народных учителей начальных («одноклассных») школ средств для таких поездок не было. Поэтому лето они посвящали своему подсобному хозяйству (особенно, пчеловодству). Упоминалось, что летом, в период «деревенской страды», учительницы устраивали детские ясли, работали воспитательницами. По примеру городских коллег, они участвовали в работе разных обществ: «Обществ трезвости», «Общества изучения Амурского края» и др., работали в «передвижных библиотеках» или участвовали в сельскохозяйственной переписи. Крестьяне с благодарностью вспоминали тех педагогов, которые помогали сельскому старосте или приходскому священнику. К примеру, жители с. Ильинка Ханкайской волости рассказывали, что «местный учитель Иван Васильевич Максунув был регентом церковного хора. Он по вечерам собирал в Ильинской школе стариков, из них организовал самодеятельность, с которой выступал на школьной сцене» [20, с. 1].

Нередко, народные учителя с такой самоотдачей занимались общественными делами, что это мешало основной работе. Епархиальный наблюдатель церковноприходских школ Владивостокской епархии писал: «Одно из неудобств заключается в том, что почти все учителя школ грамоты состоят сельскими писарями. Такое совмещение звания учителя с должностью писаря вызывается нуждой, как подспорье к скудному учительскому содержанию. В интересах школьного дела все же желательно разделить эти должности, т.к. писарские обязанности нередко вовсе отрывают учителя от школы» [21, с. 314].

По мнению корреспондента газеты «Владивосток» (1902): «Находясь вдали от «культурных центров», будучи уединены даже от своих собратьев, сельские и деревенские педагоги, тем более заслуживают внимания, что, получая лично для себя слишком мало – ни общества, ни развлечения, ни даже духовной пищи. Они, тем не менее, несут труд, иногда вкладывая в него всю душу, не удовлетворяясь одними занятиями в школе, устраивали воскресные чтения, хоры и т.п.» [18, с. 1]. Они проводили праздники и вечера, посвященные знаменательным событиям в жизни.

11 октября 1912 г. в Осиновке торжественно отметили столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. В празднике участвовали учащиеся Даниловской, Кремовской и Осиновской церковноприходских школ. Учителя М.Т. Китиченко, Л.Д. Кубов и С.С. Князева подготовили вокально-музыкальную часть праздника. Их воспитанники декламировали стихи, читали басни, пели песни и кантаты. Для села это было незабываемое торжество» [22, с. 57]. Несколько лет в Осиновском двухклассном министерском училище работал «Кружок любителей драматического искусства». Его участники проводили литературно-музыкальные благотворительные вечера, «чистый сбор» от которых в 1914-1916 гг. поступал в пользу воинов, раненных в ходе сражений. Сохранилась программа благотворительного вечера 30 мая 1916 г. Он состоял из трех отделений: «первое – дивертисмент, в котором хор любителей пения и несколько солистов исполнили несколько песен; второе отделение – драматический этюд – «Картина жизни» (одну из ролей играла учительница Е.Н. Смирнова); третье отделение – «живая картина Зима». Распорядителем вечера был заведующий школой В.С. Смирнов. В ходе 10-15-минутных антрактов были сервированы чайные столы. Присутствующие обменивались впечатлениями от концерта» [23].

В первые годы XX века никого не удивляло, что сельские учителя посещают или проводят концерты и театральные постановки, читают газеты и журналы, занимаются самообразованием. Д.Я. Бондарев так образно оценил подвижническую деятельность своих сельских коллег: «Несмотря на все недостатки учителя, за ним нужно признать большую заслугу перед Родиной. Отнимите от края народные школы, он заглохнет. В непробудном пьянстве, в погоне за золотом, в хищническом хозяйстве среди сопки и тайги один народный учитель скромно и тихо ведет свое маленькое дело. Он один не грабит край, не бросается в погоню за металлом: устраивает школьные вечера, спектакли, елки и готовит для края себе помощников» [10, с. 310].

Таким образом, проведенный анализ показал, что повседневная жизнь народного учителя не замыкалась только на учебные занятия. Даже в самых отдаленных селах и деревнях досуг педагогов был самым разнообразным. Конечно, встречались факты, когда учителя проводили свое свободное время «неподобающим» своему статусу и положению образом. Местные жители стремились удалить от школ учителей, склонных к азартным играм, выпивке и «загулам» и заменить их педагогами, которые не только ответственно относились к «школьному делу», но и свой досуг проводили с пользой для себя и для всего сельского общества.

1. Белова Н.А. Повседневная жизнь учителей /Отв. ред. Ю. Мартынова. -М.: ИЭА РАН, 2015. -228с.
2. Егорова М. Растительная жизнь педагога. Будни уральских учителей в XIX – начале XX вв. // Родина. 2008. С.103-107
3. Железнякова Ю. Препод 100 лет назад // Родина. 2004. № 6. С.12-15
4. Зубков И.В. Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870-1916 гг. -М.: Новый хронограф, 2010. -528с.
5. Ялзина Е.А. Повседневность сельского учительства в 1920-е гг. // Преподавание истории в школе. 2011. № 1. С. 66-69
6. Андриец Г.А. Участие женщин в культурной жизни городов Дальнего Востока (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2014. № 3. С.256-263
7. Зверев В.А. Не труд, а отречение. Педагогический быт 1960-1970-х гг. в мемуарах сибирских учителей // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 1. С. 37-43

8. Курасова А.С. Особенности изучения повседневной жизни учителей в 1985-1991 гг. // Повседневность российской провинции XIX-XX вв.: Материалы Всероссийской научной конференции (Пермь, 5-6 ноября 2013). В 2-х ч. Часть 1. /Ред. Е.С. Субботина. -Пермь: ПГТИУ. С. 313-321
9. Позняк Т.З. Преподавательский состав учебных заведений и уровень жизни учителей городов Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы славянской культуры и цивилизации. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. -Уссурийск: ДВФУ. С.13-18
10. Бондарев Д.Я. Далекая окраина. (Мои воспоминания) // Проблемы истории и образования на Дальнем Востоке России: Материалы научной конференции. Выпуск 3. / Отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. -Уссурийск: изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2013. С.292-311
11. Владивостокские епархиальные ведомости. 1907. 1 декабря.
12. Бунин И.А. Учитель. /Собр. Соч. В 4 т. Т.1. -М.: Правда, 1988. -390с.
13. Глушак Л. Свет далекой звезды. // Анучинские зори. Анучино. 2012. 15 августа.
14. Владивосток. 1888. 3 июля.
15. Владивосток. 1899. 14 ноября.
16. Владивосток. 1899. 23 мая.
17. Благовещенские епархиальные ведомости. 1907. 15 сентября.
18. Владивосток. 1902. 3 февраля.
19. Мариковский В. Письма с Дальнего Востока // Русский начальный учитель. 1910. № 3. С.17-28; № 4. С.33-52
20. Воспоминания об Ильинской школе. // Рукопись. Храниться в краеведческом музее с. Камень-Рыболов Ханкайского района Приморского края
21. Владивостокские епархиальные ведомости. 1903. 15 июля.
22. Страницы истории православия в Южно-Уссурийском крае. / Н.Г. Мизь, О.Б. Стратиевский. – Владивосток: ПИППКРО, 2004. -134с.
23. РГИА ДВ Ф.1. Оп.2. Д.2469. Л.288-288об.